

КОРЕНЬ БЕЗВЕРИЯ: ПРАВОСЛАВНЫЕ МЫСЛИТЕЛИ БЕЛОГО ХАРБИНА О ТВОРЧЕСТВЕ И РЕЛИГИОЗНОСТИ ЛЬВА ТОЛСТОГО

Аннотация. Рассмотрены две концепции религиозности и творчества Л. Н. Толстого, принадлежащие православным мыслителям эмиграции в Китае. Первая — «безверие как несчастье» протоиерея Василия Демидова и вторая — «Толстой как гений быта» будущего архимандрита Константина (Зайцева). Обе точки зрения представляют собой переосмысление «пророчества» Толстого о революционном будущем России.

Ключевые слова: *Л. Н. Толстой, архимандрит Константин (Зайцев), протоиерей Василий Демидов, литература русского зарубежья, Харбин, Джорданвилль.*

Цитирование. *Давыдов О. М. Корень безверия: православные мыслители Белого Харбина о творчестве и религиозности Льва Толстого // Церковь. Богословие. История. 2022. № 3. С. 217–223.*

Сведения об авторе. Давыдов Остап Михайлович — литературный редактор Информационно-издательского отдела Челябинской епархии Русской Православной Церкви (Россия, г. Челябинск). *E-mail: ostep.davydov@mail.ru.*

Интерес к литературно-критическому наследию русской эмиграции в Китае середины XX в. не иссякает последние 20 лет. Важно отметить работы А. А. Забияко из Благовещенска и антологию «Критика и публицистика русской эмиграции в Китае», подготовленную В. Г. Мехтиевым из Хабаровска. Разумеется, светские литературоведы не ставят своей задачей выделять церковных критиков в какую-либо отдельную категорию.

В этой работе мы введем в оборот два новых источника и два имени — протоиерей Василий Демидов и Кирилл Иосифович (впоследствии — архимандрит Константин) Зайцев. Оба священника начинали как яркие публицисты в дореволюционной России (отец Василий — на Урале, разъездным миссионером при Челябинском викариальном архиерее), оба не только писали, но и занимались издательской деятельностью в белом Харбине, оба закончили жизнь в США, насельниками православной обители в Джорданвилле и преподавателями Свято-Троицкой духовной семинарии.

Впрочем, по пути к эмигрантскому Китаю их пути как раз расходятся. Отец Василий отступает вместе с армией А. В. Колчака на восток, в 1920-х гг. издает в Харбине духовный журнал, вскоре эмигрирует, потеряв супругу в результате бандитского налета на свою квартиру. Будущий отец Константин уходит напротив с войсками П. Н. Врангеля, эвакуируется из Крыма в Европу, издает газету в Париже, где вступает в брак. Однако в середине 1930-х гг. принимает приглашение преподавать гуманитарные предметы в Харбинском политехническом институте, который покинули советские преподаватели (об этом чуть ниже).

Наконец, оба автора не известны как специалисты по Л. Н. Толстому. Отцу Василию Демидову в его апологетике ближе М. Ю. Лермонтов и Ф. М. Достоевский. Будущий архимандрит Константин в Китае тоже известен будет прежде всего как лермонтовед, а в Джорданвилле выпустит учебник, знаменитые «Лекции по истории русской словесности», сначала допетровского периода, затем продолжит их на XVIII в. и А. С. Пушкина.

Почему же Лев Толстой? Осмысляя трагический опыт, который пришлось пережить русскому человеку в XX в., невозможно обойти вниманием и этого «пророка».

Добавим несколько слов и о контексте эпохи, в котором выстраивались эти рассуждения. В 1920–1950-х гг. Китай принял значительное количество русских мигрантов. Среди них были как политические эмигранты, к которым можно отнести практически всю Белую армию, так и беженцы, члены офицерских и купеческих семей, и, наконец, трудовые мигранты — граждане с паспортами СССР и вполне советскими убеждениями, прибывшие для обслуживания Китайской восточной железной дороги (КВЖД).

В начале 1930-х гг. Япония оккупировала северо-западную часть Китая, создав марионеточное государство Маньчжоу-Го, Маньчжурию, во главе с последним легитимным наследником предыдущей, цинской (маньчжурской) династии, сыном императора Пу И. На оккупированной территории оказался Харбин, который, естественно, покинули советские граждане. Напротив, многим русским эмигрантам, преимущественно сражавшимся на белой стороне, такое торжество монархии пришлось по душе, и вместе с православным духовенством они выступили сознательными коллаборационистами.

Впрочем, к числу таковых невозможно отнести двоих рассматриваемых нами авторов. Отец Василий к моменту оккупации успел покинуть Харбин и перебраться в США (тогда еще не в Джорданвилль, а в Калифорнию). Профессор К. И. Зайцев, в ту пору еще мирянин, едва не стал исповедником веры, отказавшись участвовать в официальной церемонии, включавшее формальное поклонение японской богине Аматарасу.

За К. И. Зайцева вступился святитель Иоанн (Максимович). Профессор был выслан в Шанхай, то есть на юг Китая, за пределы Маньчжурии, где в 1940-х гг. принял монашество и был рукоположен в священный сан.

В зеркале исторических передряг причудливо отражалось отношение китайцев к русской классике. В 1900—1920-х гг. к поэтам и прозаикам огромного Северного соседа китайцы испытывали интерес, однако на китайский переводились разве что фрагменты из А. С. Пушкина. Л. Н. Толстой, как и Ф. М. Достоевский, вошли в круг чтения китайцев как часть... японской культуры, как тексты на японском языке. Переводы на японский были сделаны давно и качественно, а знание данного языка не было проблемой для китайской интеллигенции. В 1930-х гг., с началом японской оккупации, в том же Шанхае все японское стало выглядеть подозрительным. И напротив, в Харбине, изучение Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого могло только приветствоваться. Впрочем, что японцы, что китайцы равнодушно относились к изданиям на непонятном для них русском языке.

Публицистику прот. Василия Демидова мы цитируем не по журнальному первоисточнику, а по сборнику «Из бездны к Богу», вышедшему в 1942 г. уже в США. Будущий архим. Константин (Зайцев) опубликовал свою большую статью «Толстой как явление религиозное» в «Вестнике Харбинского педагогического института» в 1937 г.

Главный вопрос, волновавший обоих мыслителей: почему Л. Н. Толстой, «натура религиозная *par excellence*» (этот эпитет часто повторяет К. И. Зайцев) — оказывается в безверии?

Прот. Василий Демидов приходит к необычному решению. Опираясь на оленинскую формулу «кто счастлив, тот и прав», о. Василий констатирует, что Льву Толстому для веры в Бога недоставало

ощущения счастья в бытии¹, впрочем одно взаимно следует из другого. Сопоставляя Л. Н. Толстого с Н. С. Лесковым, другим «христианином, раздвоенность которого достигла предела», отец Василий все-таки отмечал спасительную роль покаяния для Н. С. Лескова, непонятную Л. Н. Толстому. О. Василий пишет: «Старый Лев Толстой всю жизнь искал Бога, но, очевидно, не там, где нужно», и оттого «не считал себя счастливым, каким себя признают все верующие... О его гениальном разуме никто не спорит он был умен, но не счастлив... Никакие чуждые религиозные системы не могли удовлетворить этого искателя правды... [хотя он] изучил Конфуция, буддизм, ламаизм, искал Бога в сектантских сообществах включительно до американских квакеров... Толстой не нашел подлинного Христа, не был в Нем, и как бесплодная ветка засох духовно, сгорел в огне собственных противоречий и суетных скитаний, всегда оставаясь несчастливом. Жизнь без Христа случайный сон»².

К. И. Зайцев раскрывает глубже эту мысль в собственной концепции Л. Н. Толстого как «гения русского быта», находя раздвоенность и уход в неверие писателя неутешительным синдромом и для всего русского народа. С самого начала профессор К. И. Зайцев задается вопросом: в чем причина отпадения Л. Н. Толстого от Церкви и не является ли это спецификой его таланта, гранью его гениальности?

Тогда, как сейчас, нередко повторяли бунинскую фразу, что у Льва Толстого «нет органа, которым верят». Однако К. И. Зайцев опровергает это, цитируя дневники писателя: «...я почувствовал радость сознания воли Бога, что мне ничего не хочется и не нужно делать, кроме того, что Он хочет»³. Пусть это душевность, и даже прелесть, во всяком случае потребность в вере налицо.

Будущий отец Константин перебирает эпитеты, которым наградили Л. Н. Толстого современники-литераторы, находя необычные параллели. И М. Н. Розанов, и Ф. М. Достоевский называют Л. Н. Толстого «русским барином» (впрочем, Ф. М. Достоевский

¹ Демидов В., *прот.* Из бездны к Богу. Нью-Йорк; Джорданвилль, 1942. С. 36–37.

² Там же. С. 137.

³ Зайцев К. И. Толстой как явление религиозное // Сборник Государственного педагогического института (1925–1937). Харбин, 1937. С. 141.

в приведенном в статье примере говорит все-таки о Лёвине)⁴. И. С. Тургенев и одновременно К. Н. Леонтьев сравнивают Л. Н. Толстого со слонем. К. И. Зайцев цитирует своего тезку: «Или слон, или, если хотите, чудовище, ископаемый сиватериум во плоти... Еще можно уподобить „Войну и мир“ индийскому идолу — три головы, четыре лица и шесть рук»⁵. Разумеется, в данном случае речь не о сложной структуре романа-эпопеи, а о способности автора воплощать полифонию.

Постепенно К. И. Зайцев приходит к нужной формуле: Толстой не просто «бытописатель», но «русский быт, получивший дар речи», гениальность его в «бытооткровении». Русский быт — не пустяк. «Русский быт не просто внешний уклад жизни, это русское мировоззрение... получившее плоть и кровь нравственное бытие, материализация русской души», — констатирует будущий отец Константин⁶.

Бытописателей в русской литературе XIX в. много. К. И. Зайцев отмечает, что «Толстой не все способен воплощать в русской жизни, ни купца, ни разночинца, ни священника» в отличие «от Лескова, Островского, Горбунова, Глеба Успенского»⁷. Но в той среде, которая является частью его опыта, писатель гениально прозревает, «что думает лошадь».

«Толстой был одинаково у себя дома и в курной избе, и в высшем свете». Но при этом «Толстой органически лишен дара перевоплощения, он не может быть с греком грек, а с испанцем испанец, как могли то говорить о Пушкине Гоголь и Достоевский. В этом чудо его творчества... неотразимая убедительность... но в этом и слабость Толстого»⁸.

Профессор К. И. Зайцев замечает, что «„Война и мир“ страдает неисторичностью», подчеркивает «несправедливость, которую Л. Н. Толстой проявляет к Ростопчину или Сперанскому», но при этом он «описывает их именно так, как они и должны были рисоваться людям толстовского быта. Но когда Толстой преклоняется перед Каратаевым и мудрствует на народнический манер; когда он

⁴ Зайцев К. И. Толстой как явление религиозное. С. 141–142.

⁵ Там же. С. 143.

⁶ Там же. С. 144.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 145.

перегружает психологический анализ и заставляет князя Андрея или Пьера высказывать его, Толстого мысли, тут нет места ни художественной, ни исторической правде...»⁹.

«В юности Толстой оборачивается для того, чтобы убедиться в том, что есть вещи, которых он не видит и не замечает...», позже «Толстой не заметил освобождения крестьян»¹⁰.

К. И. Зайцев находит объяснения этому в рассуждениях самого Л. Н. Толстого о творчестве, констатируя «во-первых неотвратимость, непререкаемость творческого решения... во-вторых неотвратимость творческого процесса»¹¹.

То же применимо и к религиозным исканиям Л. Н. Толстого: «Толстой не способен был внять голосу правды», ибо он «твердо уверовал, в том что он есть... глашатай истины, способной переродить мир», в себе «увидел восстановителя подлинного христианства, искаженного Церковью»¹². Ниже К. И. Зайцев цитирует французского мыслителя Станислава Фюме: Толстой есть «аскет, который по мере совершенствования отдаляется от Бога и основных истин»¹³.

«Бог для Толстого есть прежде всего выражение порядка мира, нечто холодное и отвлеченное... Христос есть лишь истолкователь», — констатирует К. И. Зайцев и предоставляет слово самому Л. Н. Толстому: «Молитва есть проверка по высшим требованиям души своих прошедших и настоящих поступков»¹⁴. «Молитва у Толстого есть в сущности борьба с молитвою в христианском понимании», — отмечает будущий отец Константин.

Однако в этом именно отражение русской судьбы, уже после смерти Л. Н. Толстого ставшей лицом к лицу с ужасами войн, революций и репрессий. К. И. Зайцев вспоминает слова Ф. М. Достоевского о «великом и мятежном в русской душе» — и указывает на творчество Л. Н. Толстого, как выразителя этой тенденции¹⁵.

Нес ли по-прежнему мир русского зарубежья в себе это «великое и мятежное», застыл ли он, созерцая прошлое, подобно жене Лота,

⁹ Зайцев К. И. Толстой как явление религиозное. С. 145.

¹⁰ Там же. С. 153.

¹¹ Там же. С. 146.

¹² Там же. С. 149.

¹³ Там же. С. 152.

¹⁴ Там же. С. 156.

¹⁵ Там же. С. 158.

приносил ли позднее покаяние? Этот вопрос, не имеющий однозначного ответа, по-разному пытались разрешить мыслители православной эмиграции.

Источники и литература

1. Демидов В., прот. Из бездны к Богу. Нью-Йорк; Джорданвилль, 1942.
2. Забияко А. А. Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина. Новосибирск, 2016.
3. Зайцев К. И. Толстой как явление религиозное // Сборник Государственного педагогического института (1925–1937). Харбин, 1937. С. 139–158.
4. Мехтиев В. Г., Пасевич З. В., Струк А. А. Критика и публицистика русской эмиграции в Китае. Хабаровск, 2020.

О. М. Davydov

The Reason for Disbelief: Orthodox Intellectuals from Russian Harbin on Leo Tolstoy

Abstract. The author considers two concepts of the Leo Tolstoy's oeuvre. The first one, "disbelief as unhappiness", was developed by archpriest Vasily Demidov. The second one is "genius of everyday life" and belongs to archimandrite Constantine (Zaytsev). These concepts reflect the perception of Russian revolution through the prism of Tolstoy's "prophecies".

Keywords: *Leo Tolstoy, archpriest Vasily Demidov, archimandrite Constantine (Zaytsev), literature of Russian emigration, Harbin, Jordanville.*

Citation. Davydov O. M. Koren' bezverii: pravoslavnye mysliteli Belogo Kharbina o tvorchestve i religioznosti L'va Tolstogo [The Reason for Disbelief: Orthodox Intellectuals from Russian Harbin on Leo Tolstoy]. *Tserkov'. Bogoslovie. Istoriiia — Church. Theology. History*, 2022, no. 3, pp. 217–223.

About the author. Davydov Ostap Mikhailovich — Editor of Publishing Department of the Chelyabinsk Orthodox Diocese (Russia, Chelyabinsk). *E-mail:* ostap.davydov@mail.ru.